

Глава 10: Виэн (часть 10)

Зайдя в дом с большим тазом высушенной одежды, Мелин тут же покрыла очки слоем тумана. Она опустила таз на пол, приподняла уголок фартука и принялась аккуратно протирать их.

В затуманенном поле зрения появилась пара чёрных брюк. Таз с пола подняли, и Мелин, поднимая голову и надевая очки, увидела перед собой знакомое лицо.

— Виэн! — обрадовалась Мелин, но тут же вспомнив, что он ранен, поспешно протянула руку и ухватила за край таза: — Давай я сама. Ты уже полностью поправился?

Виэн с улыбкой развернулся, держа таз в руках:

— Ничего страшного. Одежду графини уже отвезла?

— Уже отвезла. Но тебя не было, и я переживала, что справлюсь хуже.

Мелин, приподняв юбку, семенила рядом с ним. Заметив это, Виэн замедлил шаг, поравнялся с ней и мягко улыбнулся:

— Не переживай, всё пройдет отлично. Все узоры и фасоны мы обсудили вместе, даже если бы я был рядом, особо помочь бы не смог.

— Но с тобой мне было бы спокойнее, — вырвалось у Мелин.

Виэн остановился и посмотрел на неё. Лицо Мелин покраснело, она словно внезапно что-то вспомнила, и её милое личико мгновенно заволкло тучами:

— Чуть не забыла! Пока тебя не было, ещё несколько портных стали делать такие же кружева. Что же нам делать?

Виэн пожал плечами:

— Тут ничего не попишешь. В конце концов, мы продаём саму идею, а не секретную технологию, повторить её легко. Поэтому к делам графини нужно подойти со всей ответственностью. Я просил тебя добавлять небольшую метку на каждое изделие как раз на такой случай: после этого бала все будут признавать только наш бренд.

Неудивительно, что прежде он так спешил. Оказывается, он с самого начала понимал, что на этом долго не заработаешь, и с самого начала стремился создать бренд, а не размениваться на эти мелкие гроши от разовых продаж. Мелин вдруг почувствовала, что стоящий перед ней

юноша мыслит гораздо масштабнее, чем она предполагала.

Виэн, улыбаясь, поправлял галстук-бабочку перед трельяжом со скобленным уголком.

— Всё хорошо! Только не забудь про старшего брата, — Карло приобнял его за плечи, глядя вместе с ним в зеркало.

— Это временно. Вот вернётся Олли из родных мест, и я снова буду с тобой, — осторожно приколов к нагрудному карману фиолетовый цветок, Виэн постучал в дверь кабинета.

— Войдите, — раздался сдержанный голос.

— Можно поставить сюда? — Виэн опустил деревянный таз на самую нижнюю полку стеллажа и, согнувшись, посмотрел на неё.

Уверенность, беспокойство, покорность — и скрытые за ними амбиции переплетались воедино.

Карло прислонился спиной к косяку, скрестил руки на груди и усмехнулся:

— Мои поздравления, Ви-Ви, тебя пустили в кабинет. Надолго ли в большой зал?

Юноша в зеркале был невероятно хорош собой: тонкие губы тронута улыбкой, послушные чёрные волосы и белизна кожи придавали ему послушный вид, и лишь зелёные глаза сияли поразительным блеском. Утренний свет пробивался сквозь занавески, отбрасывая длинные тени от ресниц под его глазами, а разноцветные крапинки в радужке переливались на солнце самыми разными оттенками.

Виэн выпрямился:

— Ладно, мне тоже пора за работу.

— Да, хорошо! Большое спасибо! — поспешно кивнула Мелин.

Расставшись с Мелин, Виэн вернулся в комнату и переоделся в новую рабочую форму — прекрасного качества чёрный костюм с глубоко-фиолетовой шёлковой подкладкой, отливающей на свету.

Бывают люди, одно воспоминание о которых наполняет сердце надеждой. Ты черпаешь силы из самой связи с ними, а не тратишь все силы на то, чтобы эту связь поддерживать. Ансель был как раз из таких: стоит взглянуть на него, и ты начинаешь верить, что на свете действительно существуют люди, похожие на ласковый весенний ветер.

— Ну всё, твой следующий шаг — личный камердинер. Разве ты не видишь, как сильно молодой господин тобой доволен? — Карло подошёл сзади и помог ему расправить заломленный воротник. — Олли вообще-то не слуга, он просто вырос вместе с молодым господином, а сейчас, кажется, собирается стать домашним учителем.

— Я постараюсь, — с каменным лицом ответил Виэн. Мелин тут же нахмурилась и топнула маленьким туфельчиком. Виэн рассмеялся и поспешно исправился: — Буду стараться, буду!

— Неужели? — Виэн опустил глаза. Неудивительно, что после той жизни он его больше не видел. Он вспомнил, как Олли и Ансель играли в шахматы в саду — они и впрямь больше походили на друзей, чем на господина со слугой. Иногда, проходя мимо кабинета, можно было услышать, как они спорят о чём-то. В глазах Виэна промелькнула тень зависти, но в следующее мгновение её вытеснили решимость и боевой настрой.

Виэн похлопал её по плечу, обошел стороной и уже завернул за угол, как вдруг услышал оклик Мелин:

— Виэн!

Виэн обернулся. Мелин опустила взгляд, крепко сжав пальцами ткань юбки, немного помолчала, а затем подняла голову и сквозь слёзы улыбнулась:

— Больше не получай ранений, ладно? Это было очень страшно.

Виэн с некоторым трепетом глубоко вздохнул и толкнул деревянную дверь. Дверные петли, смазанные на славу, повернулись беззвучно.

Ансель сидел за письменным столом и что-то писал. Услышав стук, он отложил гусиное перо, поднял голову и как раз встретился взглядом со слегка застенчивой и нервной улыбкой Виэна, а затем его взгляд опустился ниже, на приколотый к груди фиолетовый цветок. Ансель тихо улыбнулся:

— Доброе утро, Виэн.

Он коснулся пальцем собственной головы и с некоторой тревогой спросил:

— Голова всё ещё болит?

— Уже нет.

Закрыв дверь, Виэн в пару шагов оказался прямо перед ним. Поведение Анселя вновь стало столь официальным и вежливым, но в сердце Виэна не было сильного разочарования:

возможно, в тот день Ансель просто увидел распутившийся цветок после холодной зимы и поддался сиюминутному порыву, проявив излишнее гостеприимство.

Впрочем, так оно и было на самом деле. В тот день Ансель, проезжая верхом, случайно встретил лучи весеннего солнца и тоже захотел поделиться этой радостью с юношей, залечивающим раны в полутёмной комнате.

Он забросил цветок на подоконник в надежде, что юноша распахнет створки и впустит в комнату саму весну.

Пока Визн размышлял об этом, он заметил, как большой палец правой руки Анселя легко пот указательный — этот жест тот неизменно повторял, когда чувствовал себя немного растерянным.

Неужели...

Визн наклонился, приложив руку к груди как раз напротив фиолетового цветка, и, приблизившись, с улыбкой произнёс:

— Большое спасибо за цветок, молодой господин. Все остальные я бережно храню в вазе на окне, но только этот... Как вы считаете, красиво ли он смотрится на этой одежде?

— Очень красиво. И отлично сочетается с цветом подкладки, — с совершенно непринуждённым и открытым видом ответил Ансель. Если бы не медленно алеющие кончики ушей и чуть более быстрые нотки в голосе, Визн, пожалуй, снова дал бы себя провести, как в былые времена.

— Молодой господин, скажите, что именно мне нужно делать в кабинете?

Визн прищурился, чувствуя приятное тепло на сердце, и решил остановиться на достигнутом, больше не дразня его.

— Подавать чай, брать книги, наводить порядок, открывать и закрывать окна. В остальное время можешь просто читать.

Ансель взял со стола гусиное перо, обмакнул его в чернила и продолжил прерванное письмо.

— Разве не нужно массировать плечи, греть руки и петь песни для развлечения? — с некоторым недоумением переспросил Визн. Почему всё оказалось совсем не так, как требовалось в кабинете-мастерской в прошлой жизни?

Рука, тянувшаяся за чернилами, замерла в воздухе. Капля чернил сорвалась с кончика пера

обратно в чернильницу, и Ансель с потрясённым видом обернулся на него. Теперь порозовели не только уши, но и шея, скрытая за воротником:

— Что?

Виэн мгновенно всё понял: судя по всему, тот Ансель из прошлой жизни делал всё это намеренно. В конце концов, когда они только вошли в кабинет, оба уже перешли все мыслимые и немыслимые границы, ситуация разительно отличалась от нынешней.

Ансель рассеянно поскрёб кончиком пера о край чернильницы и опустил глаза:

— Кто тебе такое сказал?

Да вы сами! Опасаясь, что Ансель поймет его двояко, Виэн поспешно замахал руками:

— Я шучу, не принимайте всерьёз!

Ансель задумчиво замолчал. Мягкое белое перо скользило туда-сюда по его бледным губам, и взгляд Виэна невольно приковался к ним. Вспомнив вкус и тепло этих губ, он тяжело сглотнул. Словно заметив это маленькое движение, Ансель поднял глаза и снизу вверх посмотрел на него. В янтарных глазах мелькнули лукавство и смешинки, и он тихо произнёс:

— Если хочешь — можешь.

— Конечно хочу.

Виэн без промедления перехватил левую руку Анселя, лежавшую на столе (чтобы не размазать чернила, Ансель по-прежнему писал правой).

Рука Виэна была очень тёплой — даже в зимнюю пору она казалась живым огоньком. Наверное, это передалось по наследству: именно этим качеством его мать когда-то прельстилась и вышла замуж за отца, решив, что у человека с такими тёплыми ладонями просто не может быть дурного сердца.

Ладонь Анселя была не такой уж маленькой, но казалась очень нежной из-за того, что он сроду не занимался домашним трудом. Держать её было невероятно приятно, и лишь на самой подушечке ладони и первой фаланге среднего пальца чувствовались тонкие мозоли — след от верховой езды и постоянного письма.

Боясь, что Ансель выдёргнет руку, Виэн как можно плотнее обхватил её своей ладонью, а сам перевёл взгляд на письмо на столе, пытаясь сменить тему:

— Над чем вы сейчас работаете?

Визн даже не пытался делать вид, будто соблюдает приличия — впрочем, в этом и не было необходимости, ведь все знали, что он не умеет читать. Ансель поднял лист бумаги, поднес его ближе к лицу, а Визн сделал вид, что некоторое время внимательно вчитывается, после чего беспомощно посмотрел на него.

— На день рождения графини Касмай приглашена госпожа Цири. Я хочу воспользоваться случаем и пригласить её к нам в поместье, чтобы обсудить дела, — вздохнул Ансель. — Но я совершенно ничего о ней не знаю и даже понятия не имею, кому написать, чтобы навести справки...

— Госпожа Цири? — Визн на мгновение замер. В памяти мгновенно всплыл образ высокой и сутуловатой женщины с каштановыми волосами, громким голосом и резкими манерами, но при этом уверенной, решительной и ослепительной, словно ядовитый цветок дурмана. Никто не упоминал фамилию её мужа, все обращались к ней исключительно по имени.

— Сборник любовной поэзии, — вдруг произнёс Визн.

Ансель посмотрел на него с растерянным выражением в глазах.

Голос Визна слегка дрожал — то ли от избытка чувств, то ли от охватившего его волнения, а рука сжала чужую ладонь чуть сильнее:

— Гипсовый бюст. На людях любит придворную музыку, но втайне предпочитает деревенские мотивы. Зелёный цвет, креветки, якобинцы, ананасовый ликёр.

Ансель сразу всё понял. Его глаза просветлели, но в них всё ещё читалось недоумение:

— Откуда ты всё это знаешь так подробно?

Погруженный в радость от того, что смог помочь Анселю, Визн горько улыбнулся про себя. Почему он знает это так подробно? Да потому что некогда сам входил в число её излюбленных тем для бесед.

Однако Визн с удивлением понял, что его перерождение вовсе не было бесполезным. В прошлой жизни ради лести он запомнил вкусы и предпочтения большинства людей — настолько детально, что теперь мог без труда изобразить неожиданно объявившуюся родственную душу. Если направить эту информацию в нужное русло, она станет его колоссальным сокровищем.